

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 90

29 апреля 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя Д., адвоката П., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Д. без даты (вх. № ...) в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 04 марта 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 3 Правил включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02 апреля 2020 года (протокол № 12), исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д., что выразилось во включении 26 ноября 2024 года в Соглашение об оказании юридической помощи от 03 сентября 2024 года условия об обязанности доверителя выплатить адвокату 10% от суммы удовлетворенных требований по гражданскому делу № ... по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, которое противоречит публичному порядку и основным началам семейного законодательства, в то время как достижение положительного результата по заявленному иску предопределено законом;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 4 п. 1 ст. 7, п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятых на заседании Совета

Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 года, исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившемся в том, что, заключив с доверителем Д. соглашения об оказании юридической помощи от 03 сентября 2024 года и от 22 января 2025 года, адвокат П. не выдала доверителю экземпляры данных соглашений об оказании юридической помощи;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившемся в том, что, согласовав с доверителем Д. в устной форме вопрос об увеличении вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 22 января 2025 года на 50 000 рублей за подготовку кассационной жалобы по гражданскому делу № ... по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, она не оформила изменение условия Соглашения о вознаграждении в надлежащей письменной форме, а в одностороннем порядке внесла в Соглашение дополнительное условие об увеличении вознаграждения за подготовку кассационной жалобы в размере 50 000 рублей;

4) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Д., что выразилось в том, что, получив от доверителя Д. 09 сентября 2025 года наличные денежные средства в сумме 50 000 рублей в качестве вознаграждения за составление кассационной жалобы по гражданскому делу № ... по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, адвокат П. не выдала доверителю финансовый документ по проведению операции с денежными средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

5) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе Д. без даты (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П. представила письменные «Пояснения по заключению комиссии по жалобе Д.» от 28 апреля 2026 года (вх. № ...), где указала, что, по ее мнению, Комиссия вышла за рамки обвинений, выдвинутых заявителем; по поводу включения в соглашение условия гонорара успеха ей не было предложено дать объяснения по этому поводу, он подразумевался от суммы алиментов за предыдущие три года в процентах; доверитель предлагала сделать «липовое» соглашение, на что она не согласилась. Оригинал квитанции по оплате она хотела передать Д. при личной встрече, но эта встреча не состоялась. Считает, что если в соглашении написано, что оно изготовлено в двух экземплярах, то это автоматически означает, что

второй экземпляр доверителем получен. Составленные ею апелляционная и кассационная жалобы не идентичны. Второе соглашение подписывалось в присутствии Д. в переговорной комнате ...-Банка, что может быть подтверждено видеозаписью при наличии запроса официального органа.

К «Пояснениям» приложена переписка заявителя с адвокатом П. на 45 листах.

В заседании Совета Адвокат П. подтвердила своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии частично не согласилась, поддержала доводы своих письменных возражений. Дополнительно сообщила, что делом Д. она занималась тщательно и только в ее интересах. В Разъяснении Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по поводу гонорара успеха она не нашла каких-то запретов или требований, которые она нарушила. Не считает, что результат по делу был predetermined, тем более что вышестоящие судебные инстанции ничего не присудили Д. Это означает, что все было далеко не бесспорно. Гонорар успеха касался размера «сверхалиментов». Понимает, что должна была безоговорочно выдать квитанцию Д., но такой возможности не было, и она ее ждала. Кассационную жалобу она составляла добросовестно. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснила, что они с Д. посчитали размер алиментов за период в предыдущие 3 года, который должен был составлять примерно 59 миллионов рублей. После этого они договорились о включении в соглашение условия о гонораре успеха, относящегося к этой ожидаемой сумме. В соглашении это условие было зафиксировано, но места там дописывать что-либо еще не было.

Заявитель Д. в заседании Совета подтвердила своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась частично. Пояснила, что не просила адвоката составить иск на 150 тысяч рублей. Она писала адвокату П., что конкретно хочет, но почему-то ею иск был составлен по-другому. Она жила с ответчиком вместе 16 лет и знала о его финансовом состоянии, поэтому ей ничего не надо было узнавать о нем якобы из соцсетей. Не согласна с выводом Комиссии о том, что в кассационной жалобе, составленной адвокатом П., не было ошибок. Адвокат отказалась созвониться вечером, чтобы обсудить необходимые правки в ней. После этого она заключила договор с другим адвокатом.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но с ее выводами частично не соглашается ввиду нижеследующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 05 декабря 2020 года между Д. и М. заключено нотариально не удостоверенное соглашение о содержании несовершеннолетнего ребенка – Д.М.А., 25 ноября 2008 года рождения, путем перечисления Д. денежных средств. 24 мая 2024 года Д. обратилась в Г. районный суд города Москвы с иском к М. об установлении отцовства, который был принят к производству и возбуждено гражданское дело № ...

(№ ...). 30 июля 2024 года заявитель обратилась к адвокату П. за правовой помощью во взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка Д.М.А., после чего 05 августа 2024 года осуществила перевод 75 000 рублей на личный банковский счет адвоката П., а 13 августа 2024 года выдала адвокату П. доверенность, удостоверенную нотариусом, на представление ее интересов во всех судах Российской Федерации. 01 сентября 2024 года заявитель осуществила второй перевод в сумме 75 000 рублей на личный банковский счет адвоката П.

03 сентября 2024 года между адвокатом П. и доверителем Д. заключено Соглашение об оказании юридической помощи по гражданскому делу, согласно п. 1 которого адвокат П. приняла на себя обязательство составить исковое заявление Д. к М. «о взыскании алиментов в твердой денежной сумме в размере ранее добровольной выплаты алиментов при отсутствии нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов», предъявить это исковое заявление в Г. районный суд города Москвы и представлять интересы Д. в суде по данному гражданскому делу. Пунктом 2 Соглашения предусмотрено вознаграждение адвоката в размере 150 000 рублей, из которых 100 000 рублей составляет стоимость консультации, изучения документов по делу, составление и предъявление иска, а 50 000 рублей – участие в суде, при этом указано, что «сумма оплаты по договору произведена на момент подписания настоящего соглашения».

20 сентября 2024 года Д. подала в Г. районный суд города Москвы исковое заявление к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего сына Д. М.А., на основании которого было возбуждено гражданское дело № 28 октября 2024 года судом вынесено определение об объединении гражданских дел по спору об установлении отцовства и по спору о взыскании алиментов в одном производстве с присвоением № 21 ноября 2024 года истцом Д. уточнены иски, и судом вынесено определение об изменении основания и предмета иска, а также об увеличении исковых требований.

26 ноября 2024 года в ходе встречи заявителя и адвоката П. в Соглашение об оказании юридической помощи рукописно внесено дополнительное условие (п. «а» 2.2.), согласно которому «Доверитель обязуется выплатить Адвокату 10% от суммы удовлетворенных требований в течение месяца со дня вступления в силу решения суда». Это дополнение стороны удостоверили своими подписями.

19 декабря 2024 года истцом Д. вновь были уточнены иски, и судом вынесено определение об изменении основания и предмета иска, а также увеличении исковых требований. 22 января 2025 года судом вынесено решение, которым иски были удовлетворены частично: с М. в пользу Д. взысканы алименты на содержание несовершеннолетнего сына Д.М.А. в твердой денежной сумме, а во взыскании алиментов в размере $\frac{1}{4}$ доли от дохода ответчика и о взыскании алиментов за трехлетний срок, предшествующий обращению в суд, отказано.

В тот же день, 22 января 2025 года, между адвокатом П. и доверителем Д. заключено Соглашение об оказании юридической помощи по

гражданскому делу, предметом которого в соответствии с п. 1 являлось «составление жалобы в апелляционном, и при необходимости, в кассационном порядке во 2КСОЮ» на указанное решение Г. районного суда города Москвы от 22 января 2025 года. Стоимость юридической помощи по указанному Соглашению, согласно пояснениям заявителя Д., составила 50 000 рублей, она перевела на личный банковский счет адвоката П.

21 марта 2025 года Д. подала апелляционную жалобу на решение Г. районного суда города Москвы от 22 января 2025 года, которая 28 августа 2025 года оставлена судом апелляционной инстанции без удовлетворения, а решение суда – без изменения.

09 сентября 2025 года в ходе встречи заявителя и адвоката П. в Соглашение об оказании юридической помощи от 22 января 2025 года были рукописно внесены дополнения, и абз. 1 п. 2 Соглашения изложен в следующей редакции: *«размер вознаграждения за исполнение поручения определен сторонами в сумме 1) 50 000 (пятьдесят тысяч) рублей, из которых 50 000 рублей получены при подписании данного соглашения. на карту банка за апелляционное обжалование 2) 50 000 рублей получены 09.09.2025 года лично за составление кассационной жалобы»*. Рядом с указанным дополнением стороны свои подписи не поставили, дата внесения изменений в Соглашение также не указана. В этот же день заявитель передала 50 000 рублей наличными адвокату П. в счет оплаты юридической помощи за подготовку кассационной жалобы. 18 сентября 2025 года адвокат П. в мессенджере WhatsApp направила заявителю фотографию квитанции к приходному кассовому ордеру от 09 сентября 2025 года о получении от Д. 50 000 рублей по Соглашению от 09 сентября 2025 года.

15 октября 2025 года адвокат П. по электронной почте отправила заявителю кассационную жалобу на апелляционное определение Московского городского суда от 28 августа 2025 года и на решение Г. районного суда города Москвы от 22 января 2025 года. После этого между заявителем и адвокатом П. велась переписка относительно внесения изменений в текст указанной кассационной жалобы. 19 октября 2025 года заявитель в мессенджере WhatsApp сообщила адвокату П. о том, что работает с другим адвокатом, и попросила вернуть денежные средства в сумме 50 000 рублей, оплаченные 09 сентября 2025 года «за кассацию». 20 октября адвокат П. в мессенджере WhatsApp ответила заявителю, что «Расторжение исполненного договора невозможно, обязательства сторон уже прекратились», и напомнила заявителю о ее обязательстве по оплате обусловленного вознаграждения (гонорара успеха), предусмотренного Соглашением от 03 сентября 2024 года. В тот же день Д. распоряжением ..., удостоверенным нотариусом города Москвы Д.Е.А., отменила доверенность, выданную 13 августа 2024 года адвокату П., и 21 октября 2025 года уведомила об этом адвоката П.

27 октября 2025 года заявитель в мессенджере WhatsApp задала вопрос адвокату П. о возврате денежных средств, ответа на который не последовало. 11 ноября 2025 года заявитель в мессенджере WhatsApp снова задала вопрос адвокату П. о возврате денежных средств и сообщила о намерении

обратиться по этому вопросу в суд и с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы.

26 ноября 2025 года Д. подала в Г. районный суд города Москвы кассационную жалобу на судебные акты по гражданскому делу № 29 января 2026 года определением Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции судебные акты нижестоящих судов были оставлены без изменения, кассационная жалоба – без удовлетворения.

Из поступившей в Адвокатскую палату города Москвы жалобы Д. следует, что она выдвигает в отношении адвоката П. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в ненадлежащем исполнении адвокатом П. поручения по Соглашению от 03 сентября 2024 года, а именно:

– в небрежном и неправильном составлении искового заявления о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка не с теми исковыми требованиями, о которых она просила;

– в допущении «грубейших ошибок и нарушений», вследствие чего «постоянно приходилось что-то дорабатывать и исправлять»;

– в неознакомлении с материалами дела заранее до судебного заседания, перепоручении заявителю ознакомления с материалами дела и направления их адвокату П.;

2) во включении 26 ноября 2024 года в Соглашение от 03 сентября 2024 года условия об оплате гонорара успеха;

3) в несвоевременной и непрофессиональной подготовке кассационной жалобы по делу, которая «не соответствовала нормам и правилам», в даче указаний заявителю «самой все убрать ненужное, добавить необходимое»;

4) в непередаче заявителю экземпляров соглашений об оказании юридической помощи от 03 сентября 2024 года, от 22 января 2025 года и от 09 сентября 2025 года;

5) в составлении соглашений «без соответствующих норм», написанных от руки, с многочисленными приписками;

6) в принуждении заявителя оплатить юридическую помощь по подготовке кассационной жалобы дважды и присвоении 50 000 рублей;

7) в невыдаче заявителю квитанции от 09 сентября 2025 года об оплате денежных средств в сумме 50 000 рублей;

8) в необеспечении результата, для которого заключались соглашения об оказании юридической помощи.

Также в жалобе заявитель Д. указывает о невозврате ей адвокатом П. оплаченного вознаграждения в сумме 50 000 рублей за подготовку кассационной жалобы, о причинении ей морального вреда и материального ущерба, а также о заявлении адвокатом П. требований к заявителю об оплате вознаграждения за успешную работу.

При рассмотрении дисциплинарных обвинений, указанных в пунктах 1 и 8 выше, Совет исходит из того, что в соответствии с пп. 6-7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в

жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами. Этим требованиям указанные дисциплинарные обвинения не соответствуют, поскольку они не конкретизированы и не подтверждены какими-либо доказательствами. Кроме того, сама по себе претензия доверителя к адвокату в недостижении желаемого результата по делу не может являться основанием дисциплинарной ответственности адвоката, при этом каких-либо доказательств того, что желаемый результат не был достигнут из-за ненадлежащего оказания адвокатом юридической помощи, в том числе игнорирования какой-либо существенной информации, полученной от заявителя, не представлено. Не конкретизированы и не подтверждены доказательствами и доводы заявителя о незнакомлении адвоката П. до судебного заседания с поданными по делу документами, в то время как адвокат П. утверждает, что с материалами дела знакомилась неоднократно, что подтверждается ее расписками в материалах дела, а также наличием в ее телефоне фотокопий документов. Не нашли подтверждения и доводы заявителя о даче ей адвокатом П. поручений об ознакомлении с материалами дела. При этом адвокат П. пояснила, что заявитель знакомилась с материалами дела по своей инициативе. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката П. в этой части непровергнутой.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в несвоевременной и непрофессиональной подготовке адвокатом П. кассационной жалобы, которое также сформулировано неконкретно. В Соглашении об оказании юридической помощи от 21 января 2025 года срок подготовки кассационной жалобы не указан, апелляционное определение по делу было предоставлено заявителем только 29 сентября 2025 года. Утром 15 октября 2025 года адвокат П. направила заявителю проект кассационной жалобы. В связи с полученными от заявителя претензиями адвокат П. вечером того же дня направила заявителю переработанный вариант жалобы, исключив положения, которые ранее оставляла на усмотрение доверителя. Однако заявитель сообщила, что содержание жалобы ее не устраивает, не конкретизировав свои претензии. После получения кассационной жалобы Д. заявила о намерении расторгнуть Соглашение об оказании юридической помощи. Срок подачи кассационной жалобы истек 28 ноября 2025 года. Поскольку кассационную жалобу адвокат П. подготовила и направила заявителю 15 октября 2025 года, сроки ее подготовки не были нарушены. Содержание кассационной жалобы соответствует требованиям ст. 378 ГПК РФ. Кроме того, решение о том, какие именно обстоятельства и доводы необходимо изложить в кассационной жалобе, относится к тактике ведения дела, которая определяется адвокатом самостоятельно в силу его законодательно установленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Сам по себе факт обсуждения с доверителем возможных дополнений и предложение заявителю внести в текст жалобы свои дополнения не может расцениваться

как ненадлежащее исполнение адвокатом профессиональных обязанностей, а, напротив, свидетельствует о согласовании позиции по делу с доверителем.

При рассмотрении дисциплинарных обвинений, связанных с ненадлежащей формализацией адвокатом П. отношений с доверителем, Совет исходит из положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которой адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Заявитель утверждает, что адвокат П. не передала ей экземпляры соглашений об оказании юридической помощи от 03 сентября 2024 года, от 22 января 2025 года и от 09 сентября 2025 года. Адвокат П. эти дисциплинарные обвинения отрицает, указывая, что передавала заявителю копии заключенных между ними соглашений об оказании юридической помощи в бумажном виде в момент их подписания, а заявитель никогда не говорила ей, что у нее нет этих соглашений. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, между адвокатом П. и заявителем было заключено два соглашения об оказании юридической помощи – от 03 сентября 2024 года и от 22 января 2025 года. 09 сентября 2025 года новое соглашение между ними не заключалось, но были внесены дополнения в Соглашение от 22 января 2025 года. В указанных соглашениях отсутствует подпись заявителя в получении второго экземпляра этих соглашений. При этом из имеющейся в дисциплинарном деле переписки видно, что заявитель неоднократно сообщает адвокату П. об отсутствии у нее соглашений об оказании юридической помощи. Довод адвоката П. о наличии в пункте 5.1 Соглашения указания на то, что оно составлено в двух экземплярах, что, по ее мнению, свидетельствует о передаче заявителю второго экземпляра документа, Совет отклоняет как несостоятельный и надуманный, а также противоречащий требованиям Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 сентября 2014 года № 7, согласно которым получение, равно как и отказ в получении, доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившемся в невыдаче ей экземпляров соглашений об оказании юридической помощи от 03 сентября 2024 года и от 22 января 2025 года.

Довод заявителя о составлении соглашений «без соответствующих норм» носит декларативный характер и не свидетельствует о нарушении адвокатом П. требований законодательства об адвокатской деятельности и профессиональной этики. В то же время согласно ч. 1 ст. 452 ГК РФ соглашение об изменении или о расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев не вытекает иное. Таким образом, внесение изменений в соглашение об оказании юридической помощи должно быть сделано в письменной форме и заверено подписями сторон. Установлено, что в оба указанных соглашения были внесены изменения путем их дополнения новыми условиями. Однако

внесенные в Соглашение от 03 сентября 2024 года дополнительные условия заверены подписями адвоката П. и заявителя, а внесенные в Соглашение от 22 января 2025 года изменения подписями сторон не заверены. Таким образом, в первом случае требования ст. 452 ГК РФ соблюдены, а во втором – нарушены.

По утверждению заявителя, при заключении 22 января 2025 года между Д. и адвокатом П. указанного соглашения, стоимость всей юридической помощи была согласована в сумме 50 000 рублей, из которых 25 000 рублей – стоимость подготовки апелляционной жалобы и 25 000 рублей стоимость подготовки кассационной жалобы.

22 января 2025 года абз. 1 п. 2 Соглашения об оказании юридической помощи был изложен в следующей редакции: *«Размер вознаграждения за исполнение поручения определен сторонами в сумме 50 000 (пятьдесят тысяч) рублей, из которых 50 000 рублей получены при подписании данного соглашения»*. Затем, по результатам встречи заявителя и адвоката П. 09 сентября 2025 года, последней в указанное Соглашение были рукописно внесены дополнения, и абз. 1 п. 2 изложен в следующей редакции: *«размер вознаграждения за исполнение поручения определен сторонами в сумме 1) 50 000 (пятьдесят тысяч) рублей, из которых 50 000 рублей получены при подписании данного соглашения. на карту банка за апелляционное обжалование 2) 50 000 рублей получены 09.09.2025 года лично за составление кассационной жалобы»*. Рядом с указанным дополнением подписей сторон не имеется, дата внесения изменений в Соглашение также не указана. О том, что первоначально условие абз. 1 п. 2 Соглашения не содержало указаний на разделение размера вознаграждения на виды юридической помощи за составление апелляционной и кассационной жалоб, свидетельствует наличие точки после слов *«...из которых 50 000 рублей получены при подписании данного соглашения.»*. Наличие точки в первоначальном тексте указывает на завершенность смысловой конструкции предложения. В тоже время 09 сентября 2025 года заявитель передала адвокату П. денежные средства в размере 50 000 рублей. Сам факт передачи денег при отсутствии письменного соглашения об изменении стоимости юридической помощи, а также последующее поведение сторон – отсутствие претензий заявителя по факту получения адвокатом этих денег вплоть до подачи жалобы – свидетельствуют о том, что между сторонами фактически была достигнута устная договоренность об увеличении вознаграждения адвоката. Доверитель, осознавая увеличение объема работы, добровольно доплатила адвокату 50 000 рублей. Таким образом, не усматривается оснований для вывода, что адвокат П. ввела заявителя в заблуждение и дважды получила плату за одну и ту же юридическую помощь.

Вместе с тем, согласно пп. 4 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», размер вознаграждения относится к существенным условиям соглашения об оказании юридической помощи. Изменение таких условий возможно только по обоюдному согласию сторон, оформленному в письменном виде и удостоверенному подписями каждой из сторон. Это обязательное требование

адвокатом П. не исполнено, поскольку, несмотря на фактически достигнутую с доверителем устную договоренность об увеличении вознаграждения, она не оформила это изменение надлежащим образом, не получив удостоверяющую его подпись доверителя. Тем самым адвокат П. нарушила требования пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 452 ГК РФ, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет далее отмечает, что согласно п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» денежные средства в счет уплаты вознаграждения и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на его расчетный счет. Как указано выше, 09 сентября 2025 года заявитель передала адвокату П. наличные денежные средства в сумме 50 000 рублей за подготовку кассационной жалобы. 18 сентября адвокат П. направила заявителю в мессенджере WhatsApp фотографию квитанции к приходному кассовому ордеру без номера от 09 сентября 2025 года, согласно которой от Д. принято 50 000 рублей по Соглашению от 09 сентября 2025 года, а также написала заявителю: *«Надо не забыть живую бумажную тоже отдать»*. Таким образом, адвокат П. знала о своей обязанности передать доверителю квитанцию и имела реальную возможность сделать это, однако не сделала, не исполнив профессиональную обязанность перед доверителем вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Доводы адвоката П. о том, что заявитель не просила выдать ей квитанцию об оплате 50 000 рублей, и что фотография этой квитанции была отправлена заявителю в мессенджере через неделю после получения от нее денежных средств, оценки ее профессионального поведения не меняют, поскольку указанная обязанность адвоката является императивной.

Претензии заявителя Д., связанные с невозвратом ей адвокатом П. оплаченного вознаграждения в сумме 50 000 рублей за подготовку кассационной жалобы, а также с причинением ей, по ее мнению, морального вреда и материального ущерба рассмотрению по существу не подлежат, поскольку споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи находятся за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления, как и споры о компенсации морального вреда и взыскания причиненного ущерба. Подобные споры разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Переходя к выдвинутому заявителем и поддержанному Квалификационной комиссией дисциплинарному обвинению во включении адвокатом П. в Соглашение об оказании юридической помощи от 03 сентября 2024 года условия об обязанности доверителя выплатить адвокату 10% от суммы удовлетворенных требований по гражданскому делу о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, Совет в

первую очередь обращает внимание на неверную трактовку заявителем гонорара успеха как шантажа с требованием дополнительного вознаграждения: «П. требует от меня вознаграждения не понятно за что и исходя из чего, которое выплачивается не за выполненную работу по договору на оказание адвокатских услуг, а за достигнутый результат» (дополнение к жалобе без даты // вх. № ...).

В этой связи Совет отмечает, что гонорар успеха, понимаемый как условие договора, согласно которому выплата (размер выплаты) вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, прямо предусмотрен в п. 4.1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката. Такое условие договора поддерживается и судебной практикой: «Исходя из принципа диспозитивности стороны соглашения вправе определить цену договора любым наиболее приемлемым для них способом, если иное не предусмотрено законом для выбранного сторонами вида договора, в том числе включив в договор об оказании юридических услуг условие о «гонораре успеха»» (*Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06 марта 2026 года № 305-ЭС25-13450*).

Особенности и условия включения рассматриваемого условия в соглашение об оказании юридической помощи предусмотрены «Правилами включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи», утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02 апреля 2020 года, протокол № 12 (далее – Правила), согласно которым:

– положение об обусловленном вознаграждении может быть включено в соглашение для обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи лиц, у которых на момент заключения соглашения отсутствует возможность выплачивать вознаграждение адвокату, и в иных случаях, когда это не противоречит законодательству и Правилам (п. 1);

– положение об обусловленном вознаграждении не может включаться в соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу или по делу об административном правонарушении (п. 2);

– поскольку при заключении соглашения стороны исходят из неопределенности достижения положительного результата, то условие об обусловленном вознаграждении предполагается разумным и обоснованным (п. 3);

– не допускается включение в соглашение положения о выплате обусловленного вознаграждения авансом (п. 8).

Иных запретов и (или) ограничений на включение в соглашение об оказании юридической помощи условия о выплате гонорара успеха (обусловленного вознаграждения) ни Правила, ни применимые нормы законодательства не содержат.

Квалификационная комиссия со ссылкой на п. 3 Правил пришла к выводу о том, что в рассматриваемом случае имеет место противоречие «публичному порядку и основным началам семейного законодательства, в то время как достижение положительного результата по заявленному иску предопределено законом». При этом Комиссия не сослалась на какие-либо конкретные нормы законодательства (в том числе устанавливающие общие принципы или гарантии), подтверждающие этот ее вывод.

Совет не может согласиться с этим ошибочным выводом Квалификационной комиссии в силу следующего.

Представляется очевидным, что утверждение о предопределенности законом положительного результата иска о взыскании алиментов в принципе неверно. Само по себе наличие у истца права на обращение с таким иском вовсе не предопределяет его удовлетворение, тем более – в полном размере заявленных требований. Применительно же к данному гражданскому делу, в котором суду предстояло сначала исследовать наличие или отсутствие оснований для установления отцовства ответчика и лишь затем переходить к вопросу об алиментных выплатах и их размере, говорить о какой-либо предопределенности положительного результата и вовсе не приходится.

Категоричное и всеобъемлющее утверждение Квалификационной комиссии о том, что «включение в соглашение об оказании юридической помощи положения об обусловленном вознаграждении недопустимо применительно к периодическим платежам социального характера (алименты, пенсии, пособия), так как они обеспечивают базовые жизненные потребности гражданина, а не являются «выигрышем» или «экономической выгодой» доверителя», также не основано на требованиях законодательства и профессиональной этики.

Совет не подвергает сомнению ту очевидную истину, что при включении в соглашение об оказании юридической помощи условия о гонораре успеха адвокат должен руководствоваться принципами разумности и соразмерности (что, как указано выше, предусмотрено и Правилами), а также соблюдать требования п. 1 ст. 4 и п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката о сохранении при всех обстоятельствах чести и достоинства профессии и недопустимости совершения действий, направленных к подрыву доверия к адвокату или адвокатуре. Вместе с тем, поддержание разумного баланса между обеспечением социальной защищенности отдельных категорий граждан и права адвоката на получение справедливого вознаграждения за оказание квалифицированной юридической помощи, в том числе по делам повышенной сложности, также является необходимым и справедливым. В целях поддержания такого баланса должна учитываться вся совокупность конкретных обстоятельств дела, в том числе характер финансовых требований доверителя, на удовлетворение которых направлена оказываемая адвокатом юридическая помощь.

Применительно к обстоятельствам настоящего дисциплинарного дела Совет отмечает, что в случае полного удовлетворения исковых требований заявителя Д., ей, согласно ее собственным расчетам, предстояло получить с ответчика более 60 миллионов рублей, причем за предшествующий период

(см. дополнение к жалобе без даты // вх. № ...). Именно применительно к этому результату судебного спора, который вовсе не был predetermined и не наступил в действительности, и было предусмотрено условие о выплате адвокату П. гонорара успеха. В таких условиях утверждение о нарушении этим условием соглашения публичного правопорядка, основных начал семейного законодательства, ущемлении интересов социально незащищенных граждан представляется безосновательным.

Одновременно Совет отмечает и добровольный характер достигнутой между заявителем Д. и адвокатом П. договоренности о внесении в соглашение условия о выплате последней гонорара успеха, на что правильно указала и Квалификационная комиссия в своем Заключении. При этом с момента внесения соответствующих дополнений в соглашение (26 ноября 2024 года) до момента подачи жалобы в Адвокатскую палату города Москвы (21 января 2026 года), то есть в течение более чем года, претензий по указанному поводу Д. не предъявляла.

Завершая анализ данного дисциплинарного обвинения, Совет считает необходимым подчеркнуть, что дисциплинарным органам адвокатского самоуправления при разрешении конкретных дисциплинарных дел не предоставлено право устанавливать запреты и (или) ограничения, не установленные законодательством и корпоративными нормативными актами, а также расширять сферу их действия. Напротив, в условиях правовой неопределенности этим органам следует исходить из презумпции добросовестности адвоката, толкуя сомнения в его пользу. Иной подход противоречил бы принципу законности деятельности адвокатуры, установленному п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», требованиям объективности и справедливости дисциплинарного разбирательства, установленным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также условию привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности только за виновное нарушение, установленному п. 1 ст. 18 того же Кодекса. Между тем, как описано выше, рассматриваемое условие соглашения, заключенного адвокатом П. с доверителем Д., никаких нормативно установленных запретов и ограничений не нарушает.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката и правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарного обвинения во включении адвокатом П. в Соглашение об оказании юридической помощи доверителю Д. условия о выплате адвокату 10% от суммы удовлетворенных требований по гражданскому делу № ... по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка вследствие отсутствия в указанных действиях адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенные ею дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их неоднократный и грубый характер. Подобное профессиональное поведение адвоката П. Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает, что ранее адвокат П., имеющая значительный профессиональный стаж, к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату П. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленных обязанностей исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции (пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а также постоянно совершенствовать профессиональные знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату П. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 4 п. 1 ст. 7, п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившееся в том, что, заключив с ней соглашения об оказании юридической помощи от 03 сентября 2024 года и от 22 января 2025 года, она не выдала доверителю экземпляры данных соглашений;

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем

Д., выразившееся в том, что, согласовав с последней в устной форме вопрос об увеличении вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 22 января 2025 года на 50 000 рублей за подготовку кассационной жалобы по гражданскому делу № ... по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, она не оформила изменение условия Соглашения о вознаграждении в надлежащей письменной форме, а в одностороннем порядке внесла в Соглашение дополнительное условие об увеличении вознаграждения за подготовку кассационной жалобы в размере 50 000 рублей;

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившееся в том, что, получив от последней 09 сентября 2025 года наличные денежные средства в сумме 50 000 рублей в качестве вознаграждения за составление кассационной жалобы по гражданскому делу № ... по иску Д. к М. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, она не выдала доверителю финансовый документ по проведению операции с денежными средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по жалобе Д. без даты (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков